

Книги

Н. БЕРДЯЕВ. *Христианство и классовая борьба. ЕГО ЖЕ. Русская религиозная психология и коммунистический атеизм.* YMCA-Press, Paris, 1931.

Я увѣрен, что многие, кто прочтут книги Бердяева, найдут в них — особенно в первой — целый ряд мыслей, которыя и у них самих возникают в настоящее время в сознаниі — разительный примѣр самообнаруженія объективнаго Духа. Когда книга дѣйствует на нас так, что читаемое в ней кажется нам воспоминаніем, это лучшее доказательство, что в ней наличествует подлинная діалектика. (Недаром же ученіе, что всякая мысль — воспоминаніе, принадлежит Платону). Гдѣ есть діалектика, там никогда нѣтъ и не может быть ничего «совсѣм новаго». Бердяев прав, противопоставляя свою діалектику псевдо-діалектикѣ марксистов. Для них «тезис» начинается только с Маркса. Определенный пространством и временем «момент» возводится на степень Абсолютнаго Всеединства, — вот почему дальше «тезиса» марксистская мысль и не может двинуться. Для настоящаго діалектика ничто не пропадает даром — и Бердяев был прав и тогда, когда посвятил первую из названных своих книг памяти

Маркса. Маркс не отвергается путем опроверженія его заблужденій, но «снимается». Доктринѣ классовой борьбы Бердяев не противопоставляет лицемѣрной доктрины классовой солидарности (замѣчательны его разсужденія о скрытой классовой борьбѣ, ведущейся буржуазіей, ср. вооруженный «мир»), но он обнаруживает недодуманность теоріи, признающей только классы — части — без цѣлаго, вскрывает марксистскій номинализм, исключающій самую возможность діалектики. И социализму Маркса, социализму порожденному условіями эмпириі, он не противопоставляет столь же эмпирически обусловленной теоріи хозяйства, основаннаго на личном починѣ и правѣ собственности, будто бы единственно возможнаго и неподлежащаго измѣненіям. Марксову социализму, лже-социализму — ибо он построен на непризнаніи общества (только классы) — Бердяев противопоставляет единственный истинный — базирующійся на идеѣ конкретнаго, реальнаго общества, т. е. общенія конкретных личностей, единственных и неповторимых, а не иксов и игреков, носителей «классоваго сознания». Характерной чертой декаданса «фаустовской» культуры является жажда «совсѣм новаго», сенсациі, — зло-вѣщій симптом старческаго авто-

матизма, которому соответствует, в пору декаданса других культур, требованіе сообразовываться с «образцами». Но наряду с разложением этой культуры нарождается новая — период восстановления, «воспоминанія», подлинной диалектики. Когда Бердяев говорит, что есть большевики и большевики, как есть буржуа и буржуа, и что надо о каждом человеѣ спрашивать прежде всего, способен ли он на самоотверженіе и на героизм, умен ли он, добр, или же глуп и подл, а не — к какой партіи и к какому классу он принадлежит, — он высказывает истину вѣковой древности, но сейчас она — откровеніе, настоящая «сенсация».

Именно потому, что у Бердяева мы на каждом шагу находим мысли, начинающія вспоминаться все чаще и чаще, мнѣ трудно отмѣтить, что, на мой взгляд, наиболее цѣнно и важно в его книгах, особенно в первой, которую пришлось бы просто пересказать от начала и до конца. Гораздо легче указать на мои расхожденія с автором. Они касаются нѣкоторых мѣст второй книги. Когда автор говорит о русской интеллигенціи XIX вѣка непосредственно вслѣд за характеристикой раскола и когда он опредѣляет ее, как раскольничью, — это заставляет думать, что он как-то связывает генетически оба эти явленія — «интеллигенцію» и раскол. Это подозрѣніе подкрѣпляется тѣм, что автор говорит в самом началѣ: «Нельзя понять русскую антирелигіозную психологію, не поняв

русскую религіозную психологію». В других мѣстах автор говорит о «русской душѣ», как о нѣком постоянном носителѣ различных идеологій. Мнѣ неясно: считает ли автор, что русскіе интеллигенты XIX вѣка — прямые духовные потомки раскольников, что без Никиты Пустосвята не было бы Чернышевскаго, или же Никита Пустосвят и Чернышевскій — только два обнаруженія одной и той же «души». Первое было бы просто исторически невѣрно. То обстоятельство, что Добролюбов с Чернышевским вышли из рядов духовенства, ничего не доказывает: Бакунин, Писарев и Герцен были из дворянства, а Бѣлинскій из мірян-разночинцев. Второе тоже не могло бы удовлетворить: «русская душа» — вѣдь, это *asylum ignorantiae*. У автора эта «душа» диалектически саморазвивается как-то внѣ пространства и времени, и выходит: раскольники, интеллигенты XIX вѣка, большевики — три «момента» одной и той же, искони присутствующей «русской душѣ» идеи. Допустим, что всѣ эти «моменты», дѣйствительно, выводятся из опредѣленія «русской души». Но если читать талантливѣйшія книги, выходящія сейчас в Россіи, читать русскія газеты, замѣтим иное: подлинный пафос конструктивизма, «стандартизаціи», «ударничества» и т. п., а вовсе не атеизма и коммунизма. Вот этот то момент уже никоим образом нельзя возвести к Граду Китежу. Остается либо признать этот момент несущественным и, стало-быть, с

точки зрѣнія философіи исторіи, несуществующим, либо согласиться с тѣм, что историческія явленія требуют историческаго же, т. е. социологическаго разбора и истолкованія. Автор может возразить, что у него, вѣдь, рѣчь не о большевизмѣ и не о коммунизмѣ вообще, а о коммунистическом атеизмѣ. Но атеизм один из обязательных догматов коммунизма. Кто становится коммунистом, тот вынужден исповѣдывать атеизм. Надо было бы доказать, что атеизм привел «русскую душу» к коммунизму, но для этого мало ссылок на два-три примѣра. Автор проглядыл одно, общераспространенное среди русской — да и не только русской — интеллигенціи XIX вѣка явленіе — не атеизм, а религиозный индифферентизм. Немало, должно быть, людей становилось социалистами вообще и коммунистами в частности без душевной борьбы, без кризиса міросозерцанія, без того, чтобы перед ними вообще стояла религиозная проблема. Автор написал свою брошюру в отвѣтъ на вопрос, «как могла с в я т а я Р у с ь превратиться в вооруженный лагерь воинствующаго атеизма, как народ религиозный по своей душевной структурѣ (курсив мой), жившій исключительно вѣрой, мог создать столь благоприятную почву для антирелигиозной пропаганды». Но кого подразумевает автор под «народом»? «Простых» людей? Но что мы знаем о нынѣшнем «атеизмѣ» простолюдина в Россіи? И вѣрно ли, что

у всѣх русских людей, всѣх слоевъ и умственных уровней — одна и та же «душевная структура»? Автор отвѣчает на вопрос, который ставится на Западѣ. Вольно же Западу ставить вопросы невѣрно, обобщенно, некомпетентно, болѣе того — задаваться мнимыми вопросами. Прекрасны, прониновенны характеристики представителей русской интеллигенціи у Бердяева, великолѣпно высечена глубоко религиозная подоснова их атеизма и все-таки: коммунистическій атеизм не богоборчество, а проявленіе традиціонной безрелигиозности рядовой интеллигенціи, и, если он приобрѣлъ в Россіи такіе размѣры, то именно потому, что велика сила пассивнаго сопротивленія «святой Руси», живущей иной, чѣм интеллигентская, традиціей.

П. Бицилли.

Б. ВЫШЕСЛАВЦЕВ. Этика преображеннаго Эроса. Проблемы закона и благодати. Т. 1. УМСА-Press, Париж, 1932 (273 стр.).

Книга Вышеславцева может служить цѣнным дополненіем к труду Бердяева «Назначеніе человека». Множеством цитат из Евангелій и из Посланій Ап. Павла Вышеславцев показывает, что христіанство в идеѣ своей есть религія, ставящая на мѣсто рабства закона свободу благодати, на мѣсто этики закона этику сублимаціи, преображеннаго Эроса. Закон не может быть выс-